

**КУРЬЁЗЫ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАЖУ**

Назаренко Геннадий Васильевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
Юго-Западный государственный университет
Курск, Россия
E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Предмет исследования: эрратологический аспект толкования уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за кражу, то есть интерпретационные ошибки ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с этим в данной работе рассмотрен ряд современных публикаций, посвященных квалификации краж, в которых допущены курьёзные (нелепые) ошибки признаков хищения, объективных и субъективных признаков кражи и квалифицирующих признаков тайного хищения имущества.

Цель исследования: предложение путей устранения ошибок, допускаемых при толковании ст. 158 УК РФ.

Методы исследования: использован диалектически метод познания в сочетании с системным подходом и инструментальными методами.

Основные результаты исследования: проведённое исследование показывает, что современные публикации о квалификации краж содержат множество курьёзных ошибок, которые свидетельствуют о наличии доктринальных пробелов и необходимости их ликвидации за счёт системного толкования.

Ключевые слова: дефиниция кражи, квалифицированные составы, квалифицирующие признаки, ненасильственный характер кражи, курьёзы толкования.

**CURIOUS INTERPRETATION OF CRIMINAL LEGAL RULES,
INCLUDING LIABILITY FOR THEFT**

Gennady V. Nazarenko
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
South-Western State University
Kursk, Russia
E-mail: nazarenkogen@gmail.com

Subject of research: the erratological aspect of the interpretation of criminal law norms that provide for criminal liability for theft, that is, interpretive errors of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard, this paper considers a number of modern publications devoted to the qualification of thefts, in which curious (ridiculous) errors of signs of theft, objective and subjective signs of theft and qualifying signs of secret theft of property were made.

Purpose of research: to identify the most serious errors in the interpretation of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation and the possibility of their elimination.

Methods of research: the dialectical method of cognition was used in combination with a systematic approach and instrumental methods.

Main results of research: the study shows that modern publications on the classification of thefts contain many curious errors that indicate the presence of doctrinal gaps and the need to eliminate them through a systemic interpretation.

Keywords: definition of theft, qualified compositions, qualifying signs, non-violent nature of theft, oddities of interpretation.

Введение

В юридической литературе отмечается, что актуальными проблемами уголовного права являются такие отличительные признаки кражи, как характер и способ завладения чужим имуществом, предмет хищения, противоправность и субъективные признаки этой формы хищения, характеризующие умысел и цель, поскольку эти признаки трактуются в доктрине и понимаются на практике неоднозначно, особенно в нестандартных случаях, которые требуют толкования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищения [2, с. 69-73]. Однако анализ журнальных публикаций, размещённых в Интернете, показывает, что наиболее актуальными проблемами при квалификации краж являются курьёзные ошибки, которые допускают неопытные исследователи при толковании уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кражу. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании такого рода довольно распространённых курьёзов толкования, которые ведут к правоприменительным ошибкам. Задача проведённого исследования состоит в том, чтобы показать возможность устранения интерпретационных ошибок путем системного толкования уголовно-правовых норм, характеризующих различные формы хищений. Методологическая основа данного исследования включает в себя диалектический метод и апробированные в уголовном праве инструментальные методы познания. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении эратологического аспекта толкования уголовно-правовых норм, авторской интерпретации признаков хищения и ошибочно трактуемых отличительных признаков кражи и ее квалифицированных составов.

Результаты и обсуждение

Законодательная дефиниция хищения дана в первом примечании к ст.158 УК РФ, предусматривающей ответственность за кражу. Факт дефинирования термина «хищение» не вызывает сомнений. Тем не менее, Л.В. Сотникова и Т.В. Давыдова в одной из публикаций на тему квалификации краж примечание к ст.158 УК РФ позиционируют как «общую концепцию хищения» [5, с.52]. Очевидно, авторы недостаточно различают такие понятия как «дефиниция» и «концепция». Вдобавок, выделение «общей концепции» предполагает наличие некой «особенной или единичной концепции», что само по себе неверно. В данном случае более корректно вести речь об общей дефиниции всех форм хищений.

При определении понятия кражи указанные лица воспроизводят признаки хищения, указанные в примечании к ст.158 УК РФ без учёта признаков кражи, которые фигурируют в тексте указанной статьи. Дефиниция кражи должна включать в себя не только противоправное изъятие тайным способом чужого имущества, в том числе с банковского счёта, а равно электронных денежных средств (при отсутствии признаков мошенничества), и обращение его в пользу виновного или других лиц, но и причинение значительного ущерба гражданину, крупного или особо крупного ущерба иному собственнику либо владельцу. Последнее обстоятельство особенно важно, так как размер ущерба отграничивает уголовно-наказуемую кражу от мелкого хищения, предусмотренного ч.2 ст.7.27 КоАП РФ.

Обращает на себя внимание, что посягательства на правомочия собственника в форме кражи, указанные авторами некорректно трактуются как «нападение на права собственности» [5, с.52], в то время как имеет место посягательство на чужую собственность иным способом. Кража исключает нападение как таковое, так как совершается тайным способом, исключаящим какое-либо силовое воздействие на объект и предмет посягательства. Кража в отличие от грабежа и разбоя не сочетается с применением насилия к потерпевшему, в том числе и в тех случаях, когда похищение совершается в присутствии собственника или владельца имущества. Тайный способ похищения исключает применения насильственного воздействия к потерпевшему, так как этот способ заключается в незаметном изъятии чужого имущества. Этимологически термин «кража» восходит к таким родственным словам, как «крадучись» и «украдкой».

А.В.Сидорова ошибочно считает, что хищение является тайным, если имущество изымается в присутствии собственника, который не осознаёт смысл и значение действий, совершаемых преступником, так как находится без сознания под воздействием клофелина. Указанный автор исходит из того, что приоритет при решении вопроса о тайном способе хищения в данном случае должен отдаваться субъективному критерию кражи, то есть фактически неверному *восприятию субъекта* совершаемых им действий [4, с.109]. Правоприменительная практика показывает, что в отдельных случаях виновный может *искаженно воспринимать* характер своих действий и в силу этого отрицать насильственный способ завладения чужим имуществом. В таких ситуациях предпочтение всегда отдается объективным признакам корыстного преступления, и содеянное с признаками насилия в зависимости от характера и степени его опасности квалифицируется как грабёж или разбой. На эти обстоятельства прямо указывает пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое (с последующими изменениями и дополнениями). Данное постановление рекомендует квалифицировать содеянное как грабёж или разбой в случае введения против воли потерпевшего в его организм сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ для приведения его в беспомощное состояние в целях хищения имущества. При этом характер воздействия указанных веществ определяется экспертным путём. К сожалению, А.В. Сидорова не указывает, каким образом клофелин в завышенной дозе оказался в организме потерпевшего (по собственной инициативе или в силу криминального умысла), и тем самым моделирует ситуацию недостаточно конкретно и двусмысленно. Однако судебная практика свидетельствует о том, что все случаи хищений, связанные с использованием этого медицинского препарата, осуществлялись в результате введения клофелина в организм потерпевшего против его воли, и квалифицировались как грабеж либо разбой.

Абсолютно некорректной является трактовка кражи в качестве родового понятия в результате отнесения к формам кражи таких видов хищения как грабёж, разбой, мошенничество, присвоение и растрата [5, с.53]. Родовым понятием для всех форм и видов незаконного изъятия чужого имущества является понятие хищения, дефиниция которого дана в первом примечании к ст. 158 УК РФ. Соответственно, формами хищения выступают кража, грабеж, разбой, присвоение и растрата, которые отличаются друг от друга способом отчуждения (изъятия и (или) завладения) чужим имуществом.

Стремление молодых учёных к оригинальности изложения признаков хищения нередко ведёт к неудачному использованию иноязычных терминов, в результате чего «актор» (действующий субъект) смешивается с автором и банальные опечатки типа «повреждение» вместо «похищение» лишают текст какого-либо смысла. Чтобы не быть голословным, приведу соответствующий фрагмент текста: «... момент, когда происходит *повреждение* (выделено Н.Г.) имущества, совпадает с моментом, когда *автор* (выделено Н.Г.) имеет реальную возможность использовать и распоряжаться чужим имуществом ...» [5, с.53].

Не лучшим образом дело обстоит и при анализе частей 2,3,4 ст.158 УК РФ, в которых задействованы квалифицирующие признаки квалифицированных составов кражи: Л.В. Сотникова, Т.В. Давыдова ошибочно именуют квалифицирующие, то есть отягчающие признаки «квалифицированными обстоятельствами». Далее указанные авторы сообщают, что «при применении этих обстоятельств возникают проблемы», поскольку правоприменитель принимает во внимание только минимальную стоимость похищенного имущества без учёта причинения значительного ущерба гражданину [5, с.53-54]. В действительности, правоприменитель применяет не «обстоятельства», а уголовно-правовые нормы, причём при квалификации краж учитываются все квалифицирующие признаки, указанные в ст.158 УК РФ, а не только причинение значительного ущерба гражданину, на который обратили внимание интерпретаторы.

В неопытные авторы недостаточно владеют уголовно-правовой терминологией и основами юридических знаний, поскольку путают наиболее распространённые доктринальные понятия, такие как «квалификация» и «классификация». Свою статью они заканчивают вы-

водом: «Поскольку кража является одним из наиболее распространённых преступлений в Российской Федерации, важно правильно *классифицировать* (выделено Н.Г.) преступление» [5, с.54]. Но не менее важно для начала усвоить разницу между классификацией преступлений (ст.15 УК) и квалификацией преступлений, правила которой изложены в нормах действующего Уголовного кодекса РФ, постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, учебниках, учебных пособиях и монографиях по соответствующей тематике [1, с.18-24;3, с.63-91].

В трактовке М.В. Степанова ст.158 УК РФ содержит единственный состав кражи, в котором даны признаки этой формы хищения. (6, с.126). Однако, в действительности, ст.158 УК РФ включает в себя основной состав кражи (без квалифицирующих признаков – ч. 1) и три квалифицированных состава (с квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками – ч. 2, 3, 4), в которых в зависимости от размера похищенного указаны такие виды хищений, как кража, причинившая значительный ущерб гражданину (п. «в» ч.2 ст.158 УК), кража имущества в крупном размере (п. «в» ч.3 ст.158 УК), кража имущества в особо крупном размере (п. «б» ч.4 ст.158 УК). Соответственно, состав хищения без квалифицирующих признаков (ч.1 ст.158 УК) представляет собой кражу, размер которой не является значительным, крупным или особо крупным. В качестве самостоятельной разновидности хищения закон (ст.164 УК) предусматривает хищение предметов (в том числе в форме кражи), имеющих особую ценность.

Кроме того, указанный автор вместо квалифицированного состава, предусмотренного ч.2 ст.158 УК РФ, выделяет отягчающие признаки кражи как «отдельные квалифицирующие признаки» [6, с.127]. При этом без внимания оставляет п. «г» ч.2 ст.158 УК РФ, в котором в качестве квалифицирующего признака обозначена кража имущества, находящегося при потерпевшем. Данный признак «не вписывается» в упрощенную концепцию состава кражи с отдельными квалифицирующими признаками, предложенную автором в ходе трактовки кражи, которая явно не соответствует законодательному тексту. Указанный вид квалифицированной кражи выделен законодателем в силу повышенной общественной опасности, поскольку так называемые «карманные кражи» совершаются преступниками-профессионалами в публичных местах, в том числе в транспорте, магазинах и других местах массового присутствия людей, и, как правило, причиняют гражданам значительный ущерб. Кражи этого вида отличает дерзкий характер, так как незаконное изъятие денег и вещей осуществляется в присутствии потерпевшего и других лиц изощрёнными методами, которые незаметны для окружающих и самой жертвы.

В нестандартных ситуациях кража может быть осуществлена денег и вещей, которые находятся при умершем. В таких случаях отсутствие живого лица, по смыслу закона, исключает квалификацию содеянного по п. «г» ч.2 ст. 158 УК РФ. Равным образом квалифицирующий признак кражи отсутствует, если кража денег или имущества совершается из одежды, сумки или другой ручной клади, которые не находятся при потерпевшем, то есть из одежды, которая не находится при нём, как и сумка или ручная кладь, оставленная без присмотра в месте, где отсутствует потерпевший.

Согласно п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» (с изм. и доп. от 15 декабря 2022 г.) кража имущества из одежды и ручной клади потерпевшего, который находится в состоянии сна, опьянения, потери сознания либо психического расстройства, подлежит квалификации по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как действия виновного свидетельствуют о намерении совершить хищение тайным способом, воспользовавшись психическим состоянием потерпевшего.

Игнорирование указанного квалифицирующего признака кражи, допускаемое отдельными авторами, свидетельствует о серьёзном упущении, которое на практике ведёт к ошибкам квалификации хищений чужого имущества, совершённых не только ворами-карманниками, но и лицами, совершившими убийство либо неосторожное причинение смерти, а затем с корыстной целью завладевшими имуществом потерпевших.

А.С.Туманов, рассматривая квалифицированный состав кражи (п. «б» ч.3 ст. 158 УК), который ошибочно называет квалифицирующим, утверждает, что «виновный должен проникнуть внутрь трубопровода», так как имущество должно изыматься изнутри, на что указы-

вает предлог «из», используемый законодателем применительно к трубопроводам, из которых совершается кража [7, с.127]. Фактически речь в данном случае идёт о физическом проникновении виновного лица внутрь трубопровода. К столь курьёзному выводу автор приходит путём ошибочного толкования квалифицирующего признака, который предусматривает кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода.

По смыслу закона, речь должна идти о незаконном подключении путём криминальной врезки в трубопровод, чтобы совершить кражу углеводородов в режиме продолжаемого хищения, а не о проникновении как таковом, которое предполагает совершение разовой кражи чужого имущества. Предлог «из», используемый законодателем, показывает, что отбор нефти или газа ведётся из трубопровода и не требует проникновения виновного внутрь, как это утверждает автор публикации. Незаконная врезка в трубопровод представляет собой тайное просверливание стенки трубопровода с последующим несанкционированным присоединением отводного устройства, посредством которого совершается хищение углеводородного топлива.

Наглядным примером криминальной врезки в газопровод является преступление, совершённое Матюшиным, проживающим в пос. Хотынец Орловской области. Указанный гражданин ручной дрелью просверлил отверстие в газопроводе и прикрепил к трубе штуцер, одел на него резиновый шланг и с его помощью подключил газовую плиту в своём доме. В результате незаконного подключения к газопроводу ему удалось похитить 6 тысяч кубометров газа на сумму более 26 тысяч рублей. Хотынецкий районный суд признал Матюшина виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ [8].

Кроме того, А.С.Туманов, толкуя признаки хищений из трубопроводов, допустил ещё одну ошибку, поскольку фактически связал продолжаемые хищения с «моментом совершения преступного деяния» [7, с.129]. Указание на момент совершения преступления представляет собой довольно распространённую ошибку, однако действующий Уголовный Кодекс РФ не предусматривает одномоментных преступлений. Соответственно, ряд уголовно-правовых предписаний, характеризующих субъекта уголовно-правовых отношений, связывает его признаки *со временем, а не с моментом* совершения запрещённых (общественно опасных и преступных) деяний (ч.3 ст.20, ч.1 ст.21, ч.1 ст.22 УК). Со всей очевидностью, указанный автор упустил из виду существование продолжаемых краж, которые представляют собой незаконное изъятие чужого имущества из одного и того же источника за счет совершения тождественных действий, объединённых единым умыслом. В данном случае таким источником является нефтепровод, нефтепродуктопровод либо газопровод, из которого раз за разом совершается безвозмездный отбор углеводородов, то есть продолжаемое хищение.

Заключение и выводы

Проведенное исследование показывает, что современные публикации, авторами которых являются молодые исследователи, пестрят ошибками толкования, свидетельствующими о недостаточном усвоении понятийно-категориального аппарата уголовного права и актов прецедентного толкования Пленума Верховного Суда РФ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за такие формы хищения, как кража, грабёж и разбой, а также о бессистемном подходе к толкованию признаков законодательной дефиниции хищения и наиболее распространённой формы хищения – кражи.

В целях устранения и недопущения ошибок интерпретации, указанных в представленной статье, рассмотрены наиболее типичные и распространённые ошибки использования уголовно-правовых терминов, показаны результаты бессистемного толкования объективных и субъективных признаков «простых» и квалифицированных краж, а также дано теоретическое обоснование научному толкованию системных признаков кражи, то есть такой интерпретации уголовно-правовых предписаний, которая способствует их правильному пониманию и применению.

Литература

1. Назаренко, Г. В. Преступления против собственности: научное издание / Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 168 с. – Текст: непосредственный.
2. Рубцова, А. С. Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие / А.С. Рубцова. – М. : Проспект, 2017. – 112 с. – Текст : непосредственный.
3. Севрюков, А. П. Хищение имущества: учебное пособие / А. П. Севрюков. – М. : Экзамен, 2004. – 352 с. – Текст : непосредственный.
4. Сидорова, А. В. Объективные признаки кражи / А. В. Сидорова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. – № 11(302) ; Сер. Право. – Вып. 6. – С.106-110.
5. Сотникова, Л. В. Проблемы квалификации краж как разновидности хищений / Л. В. Сотникова, Т. В. Давыдова. – Текст: непосредственный // Вестник совета молодых ученых. – Челябинск, 2020. – № 1(28). – Т. 1. – С. 51-55.
6. Степанов, М. В. Некоторые вопросы квалификации краж и мошенничества / М. В. Степанов. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – Т. 2, № 11. – С. 157-162.
7. Туманов, А. С. Квалификация кражи из трубопровода, сопряжённой с приведением его в негодное состояние / А. С. Туманов. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 126 – 130.
8. Приговор Хотынецкого районного суда Орловской области от 18 августа 2015 г. по делу 1-37 / 2015 // Архив указанного суда.